

шаг за край

ТИНА СЕСКИС

шаг за край

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С33

Tina Seskis

ONE STEP TOO FAR

Copyright © 2013 by Tina Seskis

This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *В. Мисюченко*

Художественное оформление *П. Петрова*

Сескис, Тина.

С33

Шаг за край : [роман] / Тина Сескис ; [пер. с англ. В. Ф. Мисюченко]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-86236-8

Чего хочет Эмили Коулман? Ответа на этот вопрос никто не знает. Однажды утром она просто решает начать новую жизнь, а старую — похоронить, забыть навсегда.

Где-то далеко остаются скучный муж, сестра, которую она ненавидит всем сердцем, хотя когда-то любила, и годы, проведенные во лжи. Годы, за которые никто не успел вывести ее на чистую воду. Новые друзья, Ангел и Саймон, нравятся Эмили, но даже им она не готова раскрыть свой секрет.

Чем дальше Эмили убегает, тем быстрее приходит осознание — прошлое не удастся скрыть!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мисюченко В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86236-8

Моей матери

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

~

1

Июль 2010

Продвигаясь по платформе, проталкиваюсь сквозь жару, как через толпу людей. Сажусь в поезд, хотя все еще не понимаю, а надо ли. Скванно сижу среди пассажиров, перемещаясь вместе с вагоном и другими людьми из моей старой жизни в новую. В поезде прохладно, вдруг возникает странное ощущение незаполненности — несмотря на народ и душный день за окном, пустота эта немного меня успокаивает. Тут никто ничего не знает обо мне, наконец-то я безмянна, просто еще одна молодая женщина с дорожной сумкой. Чувствую себя плывущей в потоке, словно на самом деле я не здесь, но я здесь: вот оно, твердое сиденье подо мною, за окном проносятся повернутые задом к дороге дома. Я это сделала.

Забавно, насколько легко получается, когда действительно до такого доходит, до отрешения от своей жизни и начала новой. Всего-то и нужно:

достаточно денег, чтобы было на что жить первое время, да смелость не думать о тех, кого так спешно оставила. Сегодня утром я старалась никуда не заглядывать, пыталась просто уйти, но в самый последний момент оказалась возле *его* комнаты и стояла, разглядывая его спящего: как же похож он на новорожденного, еще не пробудившегося навстречу первому дню своей жизни. Не позволила себе рискнуть и хоть одним глазком глянуть туда, где спал Чарли, знала, что он проснется, остановит меня, а потому тихонько повернула дверную ручку и оставила их обоих.

Моя соседка силится совладать со стаканом кофе навынос. На ней темный костюм, вид деловой, немного похож на тот, что был у меня — уже в прошлом. Женщина старается снять пластиковую крышку, но та сидит плотно, и она возится с ней, пока крышка не срывается и нас обеих не обдаёт горячим кофе. Соседка неловко извиняется, но я лишь киваю головой, прося ее не беспокоиться, и упираюсь взглядом в колени. Понимаю, что следовало бы убрать, промокнув, темные пятна с моего серого кожаного пиджака, иначе он будет испорчен, и как-то странно, что я ничего не делаю. Впрочем, кофейное извержение все же меня огорчило, и горячие слезинки мешаются с каплями кофе. Я молюсь, чтобы никто этого не заметил, и не поднимаю головы.

В этот миг сожалею, что не остановилась купить газету: казалось, что в день, когда я бегу из дому, незачем заходить в какой-то газетный киоск и вставать в одну очередь с *нормальными* людьми. Теперь сижу здесь и горюю без газеты, горюю, что

не держу в руках эту кипу плотно пригнанных слов, в которые можно погрузиться, на которых можно сосредоточиться, выбросив дурные мысли из головы. Нервноичаю оттого, что нечего почитать, нечего делать, кроме как смотреть в окно да желать, чтобы люди на тебя не глазели. Отрешенно слежу — Манчестер остается позади — и понимаю: возможно, никогда больше не увижу его, город, что когда-то любила. Поезд торопливо проезжает выжженные солнцем поля, какую-то далекую неведомую деревню, и, хотя едем мы быстро, теперь, когда путешествие представляется бесконечным, все тело напрягается от желания встать и бежать — вот только куда? Я и без того в бегах.

Вдруг делается холодно, радушная поначалу прохлада кондиционеров обращается в пронизывающую до костей стужу, и я плотнее запахиваю пиджак. Бьет дрожь, я опускаю взгляд и закрываю не сдерживающие слез глаза. Я хорошо умею плакать молча, но пиджак по-прежнему выдает меня: слезинки мягко падают и щедро растекаются по пиджачной коже. «Отчего я вырядилась, насколько это смешно? Я же не просто с места на место переезжаю, я бегу прочь, оставляя мою жизнь со всеми ее нуждами». Звучащие в голове слова сливаются с ритмичным постукиванием колес. Держу глаза закрытыми, пока паника не улетучивается призрачной пылью, но и тогда я сижу все так же. Схожу с поезда в Кру. Добираюсь до газетного киоска перед главным вестибюлем и покупаю газет, журналов и какую-то книжонку: я больше не должна попадаться в силки скуки. На некоторое время уединяюсь в дамской комнате, где долго изучаю в зеркале свое

бледное лицо и испорченный пиджак, распускаю волосы, прикрывая ими пятна. Выдавливаю из себя улыбку — она изломанная и, может, фальшивая, но я пытаюсь настроить себя на то, что самое худшее позади, во всяком случае на сегодня. У меня жар, лихорадит даже, брызгаю водой себе в лицо, добавляя пятен на пиджак, теперь уже его не отчистить. Снимаю его, сую в сумку. Бросаю рассеянный взгляд на себя и вижу в зеркале незнакомку. Замечаю, что мне вполне к лицу распущенные волосы, от этого я выгляжу моложе, извивы, оставшиеся от завивки мелким бесом, придают вид мерзостный, даже богемный. Держа руки под сушкой, чувствую горячий металл на пальце и понимаю, что все еще ношу кольцо, свидетельствующее о моем замужестве. Я никогда не снимала его с того самого дня, когда Бен надел его мне там, на террасе с видом на море. Стягиваю кольцо и замираю, не зная, что с ним делать: это кольцо Эмили, оно больше не мое. Меня теперь зовут Кэтрин. Кольцо изысканное, три бриллиантика сверкают с платиновой оправы и вызывают во мне грусть. «Он меня больше не любит». Так что оставляю кольцо там, возле мыла, в общественном туалете рядом с платформой № 2, и пересаживаюсь на поезд, следующий в Юстон.

2

Более чем за тридцать лет до этого в один ничем не примечательный день Фрэнсис Браун лежала в Честерской больнице на специальном кресле с разведенными ногами, а врачи колдовали над ней. Она

пережила потрясение. Сами по себе роды были быстрыми, похожими на те, что у животных, что не было обычным делом у первородок, судя даже по той малости познаний, какие у нее были. Говоря правду, она и не знала, чего ожидать, в те времена просвещать особо не старались, но к одному Фрэнсис и вправду совершенно не была готова. К тому, что уже после того, как появится головка и осклизлое красное существо шлепнется на постель под нею, доктора вдруг заявят, что ей надо рожать еще одного ребенка.

Фрэнсис поняла — что-то не так, когда в родильном отделении разом сменилось настроение, сбежались все врачи, столпившись вокруг ее кровати, о чем-то возбужденно переговариваясь. Она подумала, должно быть, что-то неладно с новорожденной, но если так, то зачем они топчутся вокруг, вместо того чтобы заниматься девочкой? Наконец врач поднял голову, и она, ошеломленная, увидела, что он улыбается, говоря:

— Дело еще не сделано, миссис Браун.

— Прошу прощения? — отозвалась она.

Консультирующий врач сделал еще одну попытку:

— Поздравляю, миссис Браун, скоро вы станете матерью близнецов. Вам предстоит родить второго младенца.

— Вы это про что? — вскрикнула Фрэнсис. — Один кровавый комок у меня уже есть.

И вот теперь она лежит, потрясенная, и думает только о том, что не нужны ей два младенца, она хотела всего одного, у нее всего одна кровать, одна коляска, один комплект малышовой одежды, ей уготована одна жизнь.

Натура Фрэнсис требовала, чтобы все планировалось заранее. Ей не нравились сюрпризы — и уж конечно же, столь многозначацие, — и, помимо всего прочего, она слишком изнурена, чтобы рожать второго ребенка... первые роды хотя и были быстрыми, зато болезненными, с повреждениями, к тому же случились на три недели раньше срока. Она закрыла глаза и стала думать, когда же приедет Эндрю. В конторе застать его ей не удалось, очевидно, куда-нибудь на встречу поехал, и, как только схватки пошли через каждые полторы минуты, она поняла, что выход у нее один: вызвать «Скорую».

Так что первенец ее явился на свет, купаясь в крови и в одиночестве, а теперь вот ей велят рожать вторую дочь, а мужа все нет. Эндрю, видно, и одного ребенка не очень хотелось, и бог знает, что он подумает о том, как дело обернулось. Она зарыдала, и ее всхлипывания разнеслись по всей больнице.

— Миссис Браун, держите себя в руках! — прикрикнула акушерка.

Фрэнсис ее ненавидела и за убогую внешность, и за резкий скрипучий голос, озлобленно думала, как только эта мымра попала на такую работу, она ж изо всего, даже из прелести рождения, радость высосет не хуже пары безжалостных кузнечных мехов.

— Можно мне взглянуть на малютку? — попросила Фрэнсис. — Я все еще не видела ее.

— Ее осматривают. Соберитесь-ка с силами на второй заход.

— Я не хочу собираться с силами на второй заход, мне нужна моя настоящая дочка. Дайте мне мою настоящую дочку. — Она перешла уже на визг.

Акушерка наладила маску с кислородом и надела ее на Фрэнсис, сильно придавив. Фрэнсис сделала вдох и в конце концов перестала визжать, а когда затихла, то сила бороться оставила ее, что-то умерло в ней — там, на больничной койке.

Появившийся Эндрю всего на несколько секунд опоздал и не смог увидеть приход в этот мир своей второй дочери. Он казался встревоженным и смущенным, особенно когда наградой его надежд на сына явилось рождение не одной, а сразу двух дочек. Одна была розовенькой и миленькой, совершенно ладненькой, другая лежала посиневшая на выпачканных простынях, обхватившая горло пуповина перекрыла ей воздух, не пуская его в легкие и не давая начать жить вне чрева. Обстановка, когда подросел отец, стояла напряженная, критическая. Врач ловко снял с шеи малышки петлю пуповины и обрезал ее. Эндрю видел, как кровь расходится по маленькому тельцу, пока врач переносил новорожденную в реанимационный бокс, а сестра маленьким пылесосиком отсосала у нее из дыхательных путей нечистоты и пену. Спустя несколько мгновений послышались мученические сердитые стоны. Малютка была ровно на час младше своей сестры, а выглядела и кричала так, будто явилась с другой планеты.

— Бедняжечка моя, мне так жаль, так жаль, — шептал Эндрю бледной испачканной жене, держа ее за руку. Тело Фрэнсис стало наполняться жизненными соками.

Фрэнсис сурово посмотрела на него, на его помятый костюм и скособоченный галстук:

— Чего тебе жаль-то? Что тебя тут не было или что я двойню девок родила?

Муж избегал встречаться с ней взглядом.

— Всего жаль, — сказал он. — Но теперь я тут и у нас настоящая семья. Все будет здорово, вот увидишь.

— Мистер Браун, вам придется подождать в коридоре, — заявила акушерка. — Нам надо привести вашу жену в порядок и зашить разрывы. Мы вас позовем, когда можно будет.

Акушерка выпроводила мужа, и Фрэнсис снова осталась одна со своею виной, своими страхами и своими двумя малютками-дочками. Фрэнсис всегда считала, что будет хорошей матерью. Полагала, что ей в точности известно, что делать, что, может, и трудно придется, но она справится: у нее прекрасный муж, семья ее поддерживает, нельзя списать со счета материнский инстинкт. Однако боль родов и появление на свет двух дочерей (а не одной, как она хотела) вызвали у нее растерянность. У нее было два ребенка, а не один: похоже, кормить их, укачивать и пеленки менять надо будет постоянно, а тут плюс ко всему у них с Эндрю изменились отношения — он несколько отдалился от нее, пока она вынашивала малышку (малышек!).

Они даже не подумали, как следует назвать вторую дочь. Много недель до того решили: если девочка, то быть ей Эмили, а полное имя Кэтрин Эмили (Фрэнсис считала, что так переставленные имена звучат лучше), — но уж точно им в голову не приходило, что может понадобиться второй вариант. Эндрю, бывший прагматиком, предложил звать одну из близняшек Кэтрин, а другую Эмили, но Фрэнсис не хотела делить имена, по ее словам,

они так чудесно звучали вместе, так что для негаданной сестренки пришлось начать все сызнова.

В конце концов ее назвали Кэролайн Ребекка, хотя Фрэнсис оба эти имени не особо жаловала, но их предложил Эндрю, она же не могла заставить себя придумать другие варианты. Факт этот она держала в тайне (одной из первых в череде многих) — еще одно доказательство, что она и впрямь не расстроилась, если бы роды продлились всего на несколько секунд дольше, если бы пуповина охватила горло младенца потуже, если бы бедная Кэролайн Ребекка перестала дышать, еще не начавши. Усилия отделаться от этой мысли (кому о таком расскажешь?) потребовали от Фрэнсис многих лет жизни, ожесточили ее душу, некогда бывшую мягкой и по-матерински заботливой.

Последующие семь дней Фрэнсис провела в больнице, и это дало ей время по крайней мере внешне оправиться от боли родов, отсутствия мужа и того факта, что она нежданно-негаданно стала матерью двойни. Она решила: единственный для нее выход в этой ситуации — раскрыть объятия обоим девочкам. Если подумать, может, в конце концов и славно окажется, что родились две. Только пришлось нелегко, Эмили и Кэролайн вели себя по-разному с самого начала. При рождении с трудом можно было понять, что девочки близнецы: Эмили была розовой и пухленькой, Кэролайн тощей, болезненной, бледненькой, весила почти на два фунта¹ меньше сестры. А потом Кэролайн перестала брать материнскую грудь, хотя Эмили никаких

¹ 907,2 грамма. — *Здесь и далее примечания переводчика.*